

В.В.Бартольд

Улугбек и его время

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.В.Бартольд**
Улугбек и его время / В.В.Бартольд – М.: Книга по Требованию, 2013. –
188 с.

ISBN 978-5-4241-6237-4

ISBN 978-5-4241-6237-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ одной изъ статей, вызванныхъ открытіемъ развалинъ обсерваторіи Улугбека, было обращено вниманіе на крайнюю скудость нашихъ «свѣдѣній о личности самого Улугбека и о роли его въ трудахъ Самаркандской обсерваторіи»¹⁾. Личность и царствованіе Улугбека еще не были предметомъ монографіи со стороны историка-ориенталиста; для астрономовъ, писавшихъ объ Улугбекѣ, авторъ астрономическихъ таблицъ, естественно, заслонялъ собой правителя и историческаго дѣятеля. Подъ перомъ астрономовъ внукъ Тимура, честолюбивый властитель, соединившій, по выраженію персидскаго историка, «ученость Платона съ пышностью Феридуна»²⁾, обратился въ идеалиста-ученаго, съ первыхъ лѣтъ своего царствованія отвернувшася отъ политики и отдававшася все свое время математикѣ и астрономіи³⁾. Основанное имъ медресе, подъ влияніемъ вольнаго перевода одного изъ старыхъ ориенталистовъ, сдѣлалось «гимназіей, устроенной по образцу александрійскаго музея»⁴⁾. Немногимъ извѣстно, что эпоха Улугбека принадлежитъ къ числу такихъ историческихъ эпохъ, гдѣ изслѣдователь располагаетъ нѣсколькими письменными источниками, независимыми одинъ отъ другого, такъ что для догадокъ и гипотезъ остается гораздо меньше простора, чѣмъ полагали писавшіе объ Улугбекѣ астрономы.

Правда, наши свѣдѣнія объ Улугбекѣ все-таки гораздо болѣе скудны, чѣмъ свѣдѣнія объ его отцѣ и дѣдѣ. Мы не имѣемъ историческихъ сочиненій, написанныхъ при дворѣ Улугбека, не имѣемъ также сочиненій путе-

1) В. Миловановъ въ Прот. Турк. кружка люб. арх., XVIII, 52.

2) Мирхондъ, L p. 1290; C 319b — 320a دانش افلاطون وحشمت فریدون جمع داشت.

3) Sédillot, Prolégomènes, introd., p. CXXV: «entraîné par l'amour de l'étude, il abandonna promptement le terrain de la politique pour se livrer tout entier à sa passion pour les mathématiques et l'astronomie». Еще болѣе категорически выражается одинъ изъ современныхъ русскихъ изслѣдователей: Улугбекъ былъ «идеалистомъ ученымъ, отдавшимъ всего себя наукѣ, человѣкомъ не отъ міра сего» (Г. И. Сикора въ Изв. Турк. отд. И. Р. Геогр. Общ., IX, 1913, стр. 82).

4) A. v. Humboldt, Kosmos, II, 261. Слово «gymnasium» въ переводѣ Хайда (Th. Hyde), ср. Sédillot, Prolég., introd., p. CXXVI et CXXVIII.

шественниковъ, видѣвшихъ Улугбека, его дворъ и его столицу; рассказы людей, жившихъ при Улугбекѣ въ Мавераннахрѣ, доступны намъ только изъ вторыхъ рукъ. О наружности Улугбека мы не находимъ въ источникахъ ни слова, тогда какъ мы располагаемъ довольно нагляднымъ описаніемъ наружности Тимура¹⁾ и даже Чингизъ-хана²⁾; вѣроятно, найдутся изображенія Улугбека въ иллюстрированныхъ рукописяхъ, но пока и такія изображенія еще не приведены въ извѣстность; сверхъ того крайне сомнительно, можно ли предполагать въ такихъ иллюстраціяхъ портретное сходство. Но, какъ мы увидимъ, дѣйствія Тимура, о которыхъ мы располагаемъ подробными свѣдѣніями, во многомъ опредѣлили собой всю дальнѣйшую жизнь созданной имъ имперіи; въ событіяхъ царствованія Тимура мы находимъ также ключъ къ объясненію многихъ дѣйствій Улугбека, его успѣховъ и неудачъ. Очеркъ жизни и правленія Улугбека приходится, такимъ образомъ, начать краткимъ описаніемъ того наслѣдства, которое получилъ Улугбекъ отъ своего дѣда.

---

1) Особенно у Клавиho, стр. 249 и слѣд.; Ибн-Арабшахъ, стр. 216 и слѣд.

2) Слова Джузджани и китайца Мэнъ-Хуна, приведенныя въ моемъ «Туркестанѣ», ч. II, стр. 497.

1.

Монгольская имперія и джагатайское государство.

Государство, созданное Тимуромъ, представляетъ своеобразное сочетание элементовъ турецко-монгольской государственности и турецко-монгольского военного строя съ элементами мусульманской, главнымъ образомъ персидской культуры.

Послѣ ряда трудовъ, посвященныхъ Чингизъ-хану и его имперіи¹⁾, можно считать окончательно опровергнутымъ прежній взглядъ на монгольскія завоеванія, какъ на беспорядочное, стихійное движеніе дикарей, подавлявшихъ все своею численностью и умѣвшихъ только уничтожать непонятную имъ культуру. Жизнь кочевниковъ, несмотря на всю ея несложность, существенно отличается отъ первобытной жизни дикарей. Въ степи существуетъ различіе между богатыми и бѣдными и вытекающей отсюда антагонизмъ сословій, существуетъ потребность защитить свое имущество, главнымъ образомъ свои стада, отъ внѣшнихъ враговъ, происходитъ вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда обширный районъ, происходятъ кризисы, заставляющіе народъ организовать свои силы и объединиться вокругъ одного лица или одного рода. Въмѣсто обычныхъ условій жизни кочевниковъ²⁾, при которыхъ можно говорить только объ общественномъ, но не о государственномъ строѣ, въ короткое время возникаетъ не только сильная государственная власть, но и представленіе о великодержавномъ могуществѣ, при благоприятныхъ условіяхъ переходящее въ представленіе о мировомъ владычествѣ. Для успѣха такой идеи необходимо, чтобы ея представитель располагалъ грозной, тщательно организованной силой. Будничныя условія жизни кочевниковъ мало благоприятны для такихъ стремленій; для сколько нибудь прочнаго существованія кочевой имперіи необходимо, чтобы ея глава или путемъ набѣговъ, или путемъ завоеваній доставлялъ своимъ подданнымъ богатства культурныхъ странъ. Въ завоеванной странѣ кочевники, особенно династія и ея главные сподвижники, постепенно подчиняются вліянію болѣе высокой культуры; но то, что они принесли съ собой, исчезаетъ не сразу и не безслѣдно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни съ благами культуры;

1) О литературѣ см. В. Бартольдъ, Туркестанъ, ч. II, стр. 60 и слѣд.; статью Čingiz-Khān въ Enzykl. des Islām, I, 898.

2) Лучшій очеркъ ихъ далъ В. В. Радловъ (Kudatku Bilik, Einleitung, S. LI f. Къ вопросу объ уйгурахъ, Прилож. къ LXXII-му тому Зап. И. Акад. Н. № 2, СПб. 1893, стр. 65 и слѣд.).

подъ влияніемъ такого стремленія вырабатываются своеобразныя отношенія между государемъ, его соплеменниками и его новыми подданными; государственная система, возникшая на прежней родинѣ завоевателей, хотя и не безъ влияния представителей культуры, находитъ въ завоеванной странѣ болѣе благоприятныя условія для своего развитія, успѣшно выдерживаетъ соперничество съ политическими идеалами, существовавшими въ той же странѣ раньше, и оставляетъ въ чужой странѣ болѣе прочный слѣдъ, чѣмъ на своей родинѣ. Монгольская государственность привела къ установленію болѣе устойчиваго политическаго порядка въ Китаѣ, въ мусульманской Азіи и въ Россіи¹⁾, не оказавъ въ этомъ отношеніи почти никакого влияния на исторію самой Монголіи; такимъ же образомъ государственная система, созданная Мухаммедомъ и первыми халифами, имѣла гораздо больше влияния на судьбу завоеванныхъ арабами странъ, чѣмъ на судьбу арабскаго полуострова.

Среди кочевыхъ имперій государство, основанное Чингизъ-ханомъ, представляетъ совершенно исключительное явленіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ объединившимся кочевникамъ удавалось подчинить себѣ только сравнительно небольшое число культурныхъ земель; монголы разгромили цѣлый рядъ культурныхъ государствъ, завоевали весь материкъ Азіи, кромѣ Индіи, Сиріи и арабскаго полуострова, и восточную Европу и основали самую обширную имперію, когда либо существовавшую. При этомъ такіе исключительные результаты были достигнуты народомъ немногочисленнымъ и, повидимому, не нуждавшимся въ новыхъ земляхъ. Какъ въ государствахъ древнихъ персовъ, народныя массы въ подавляющемъ большинствѣ остались на своей прежней родинѣ. Составленное около 1240 г. монгольское эпическое произведеніе, извѣстное подъ китайскимъ названіемъ Юань-чао-ми-ши, наглядно показываетъ, какъ мало интересовались монголы дѣйствіями Чингизъ-хана внѣ предѣловъ Монголіи. Въ изреченіяхъ, приписанныхъ Чингизъ-хану и его сподвижникамъ²⁾, говорится только о захватѣ и раздѣленіи добычи на войнѣ и охотѣ; этимъ опредѣлялась вся цѣль объединенія народа подъ властью хана, всѣ права и обязанности хана и его помощниковъ. Военные успѣхи Чингизъ-хана, сдѣлавшіе его изъ атамана разбойничьей шайки³⁾ обладателемъ величайшаго въ мірѣ государства, должны были окружить его имя обаяніемъ, какимъ рѣдко пользовался основатель династіи. Его воля была непреложнымъ закономъ какъ при его

1) Ср. Міръ Ислама, I (1912), стр. 72.

2) Они были приведены мною въ Зап. Вост. Отд., X, 110 сл.

3) Въ душѣ Чингизъ-ханъ оставался таковымъ, судя по приписаннымъ ему изреченіямъ, до конца жизни; этотъ фактъ былъ мною отмѣченъ въ Enzykl. des Islām, I, 893.

жизни, такъ и послѣ его смерти; изъ его преемниковъ ни одинъ не рѣшился бы поставить себя рядомъ съ Чингизъ-ханомъ и требовать для себя такого же поклоненія. Основатель имперіи, подобно прежнимъ турецкимъ властителямъ, послѣ вступленія на престолъ принялъ титулъ, совершенно вытѣснившій его личное имя; всѣ послѣдующіе монгольскіе ханы до и послѣ вступленія на престолъ носили одно и то же имя. Въ Китаѣ мы и при монгольскихъ императорахъ, какъ прежде, встрѣчаемъ особія названія для династіи, для годовъ правленія отдѣльнаго государя, посмертныя имена и т. п.; но внѣ предѣловъ Китая и эти императоры, даже въ оффиціальныхъ документахъ, назывались своими личными монгольскими именами¹⁾.

Монгольская имперія выдается среди прочихъ кочевыхъ государствъ не только своими размѣрами, но и продолжительностью своего существованія. В. В. Радловъ²⁾ объясняетъ это тѣмъ, что къ монгольскому государству «были присоединены многія значительныя государства осѣдлыхъ народовъ и что оно распалось не на отдѣльныя колѣна, которыя его образовали, а на рядъ культурныхъ государствъ (Китай, Средняя Азія, Персія и т. д.)». Однако, кромѣ Китая, мы только въ Персіи можемъ признать монгольское господство продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней государственной жизни.

О государствѣ, основанномъ монголами въ Передней Азіи, о его экономической и культурной жизни мы уже приходилось говорить въ другихъ работахъ³⁾. Факты показываютъ, что Персія въ эту эпоху, вопреки жалобамъ современниковъ на полное разореніе страны и полный упадокъ образованности, въ культурномъ и, по всей вѣроятности, въ экономическомъ отношеніи занимала первое мѣсто въ тогдашнемъ мірѣ. Городская жизнь продолжала развиваться; возникали новые торговые города, сохранявшіе значеніе и послѣ монголовъ; страна вела обширную морскую торговлю съ Индіей и Китаемъ, и установилось болѣе живое общеніе, чѣмъ когда либо, между культурой Дальняго Востока и Передней Азіи; въ культурной жизни послѣ уничтоженія халифата въ большей степени, чѣмъ прежде, могли принимать участіе рядомъ съ мусульманами иновѣрцы. Монгольскіе власти покровительствовали свѣтскимъ наукамъ, особенно математикѣ, астрономіи и медицинѣ; въ сѣверо-западной Персіи строились новыя обсерваторіи, съ усовершенствованными инструментами; персидскія астрономическія

1) Ср., напримѣръ, известную грамоту 1305 г., посланную французскому королю изъ Персіи; текстъ, транскрипція и переводъ у Pauthier, *Le livre de Marco Polo*, II, append. № 6.

2) Kudatku Bilik, S. LVI. Къ вопросу объ уйгурахъ, стр. 75.

3) Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче, СПб., 1911 (Анійская серія, № 5). — Миръ Ислама, I, 73 и слѣд.

сочиненія переводились въ Византіи на греческій языкъ¹⁾. Историческія преданія различныхъ народовъ были объединены на персидскомъ языкѣ, при участіи представителей отдѣльныхъ народностей, въ сводъ, остающійся, по обширности плана, непревзойденнымъ до сихъ поръ. Великолѣпныя постройки этой эпохи²⁾, по отзыву специалистовъ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній мусульманской архитектуры и въ такой же степени, какъ развитіе точныхъ наукъ и исторіографіи, свидѣлствуютъ о расширеніи культурныхъ связей по сравненію съ до-монгольскимъ періодомъ³⁾.

Совсѣмъ иная жизнь установилась подъ властью монголовъ въ Средней Азіи. Несмотря на то, что среди выдающихся мусульманскихъ философовъ, натуралистовъ, астрономовъ и друг. были и уроженцы Средней Азіи, какъ ал-Фараби, Ибн-Сина (Авиценна) и ал-Бируни, несмотря на значительное развитіе искусствъ въ Средней Азіи въ предшествующую эпоху, подъ влияніемъ греко-бактрійской культуры и друг., мусульманскій Мавераннахръ не создалъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, никакихъ традицій ни въ области свѣтскихъ наукъ, ни въ области искусства⁴⁾. Въ этомъ отношеніи Тимуръ и его преемники, какъ мы увидимъ, находились въ полной зависимости отъ Персіи. Совершенно иное значеніе имѣетъ эта страна въ исторіи мусульманскаго богословія. Высшія мусульманскія духовныя училища — медресе — появились на восточной окраинѣ халифата раньше, чѣмъ въ его центральныхъ и западныхъ областяхъ; очень вѣроятно, что исламъ въ этомъ отношеніи находился подъ влияніемъ буддизма и что родиною медресе были мѣстности по обѣ стороны Аму-дарьи, примыкавшія къ Балху, гдѣ буддизмъ сохранялъ господство до мусульманскаго завоеванія⁵⁾. Одинъ изъ

1) Объ этомъ Н. Suter, *Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke*, Lpz. 1900 (*Zeitschr. für Mathem. und Physik*, 45. Jahrg., Supplement), S. 161 (№ 397) и 219 (№ 80). — С. А. Nallino, *Al-Battānī* (Publ. del reale osservatorio di Brera in Milano, N. XL, Parte I), pars I, p. XXXI, n. 5. С. Krumbacher, *Byz. Litteratur*, S. 622.

2) О нихъ особенно Fr. Sarre, *Denkmäler pers. Baukunst*, Berl. 1910.

3) На это обратилъ вниманіе еще Gobineau. *Trois ans en Asie*, p. 195. *Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale*, p. 84.

4) Извѣстіе (у Рашид-ад-дина) объ ученомъ туркестанцѣ Хейбеталлахѣ, прибывшемъ въ концѣ XIII в. въ Персію, знавшемъ языки турецкій и сирійскій и имѣвшемъ познанія во всѣхъ наукахъ, (ср. *Миръ Ислама*, I, 82), стоитъ совершенно одиноко. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кто были его учителя и оставилъ ли онъ въ Туркестанѣ учениковъ.

5) Ср. мою статью въ *Zeitschr. für Assyriol.*, XXVI, 261 и въ *Enz. des Islām*, I, 691, также статью R. Hartmann *ibid.* 647 f. Согласіе между рассказомъ китаецца Сюань-цзана и ранними арабскими извѣстіями какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что балхскій «Наубхаръ» былъ именно буддійскимъ храмомъ, а не зороастрійской святыней, какъ утверждаютъ тенденціозныя персидскія извѣстія. Послѣднимъ отдастъ предпочтеніе А. Е. Крылскій (*Исторія Персіи*, т. I, новое изд. 1914, стр. 159), по словамъ котораго слово «бхаръ» по-персидски значитъ просто «обитель», что «не трудно проверить даже по словарямъ». Къ сожалѣнію, «по словарямъ» не рѣшаются историческіе вопросы. Чтобы примирить китайскія, арабскія и

городовъ этого района, Термезъ, до XV в. сохранялъ значеніе религіознаго центра. Въ IX в. по Р. Хр. здѣсь жили Мухаммедъ-ибн-Иса Тирмизи, авторъ одного изъ каноническихъ сборниковъ хадисовъ, и Мухаммедъ-ибн-Али Тирмизи, основатель дервишскаго ордена *хакими*¹⁾; въ началѣ XIII в. хорезмшахъ Мухаммедъ во время своего возстанія противъ Аббасидовъ объявилъ халифомъ одного изъ термезскихъ сейпдовъ, Ала-ал-мулька Тирмизи²⁾; въ XIV в., по разсказу Ибн-Батуты, вся власть въ Мавераннахрѣ на нѣкоторое время перешла въ руки сейида Ала-ал-мулька Худавендъ-заде, владѣтеля (*сахибъ*) Термеза³⁾; во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в. въ качествѣ сподвижниковъ Тимура упоминаются два брата — сейида, владѣвшіе Термезомъ и посвящшіе титулъ *ханзаде* (вѣроятно ошибка вмѣсто *хандзаде*, сокращенное худавендзаде), Абу-л-Ма'али и Али-Акбаръ⁴⁾. Наслѣдственныя династіи, значеніе которыхъ основывалось на религіозномъ авторитетѣ, были и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ въ Бухарѣ⁵⁾. Въ Средней Азій жили и умерли авторы многихъ авторитетныхъ богословскихъ трудовъ; потомки ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ занимали должность наслѣдственныхъ садровъ или шейх-ал-исламовъ⁶⁾; въ Самаркандѣ эту должность занимали потомки автора «Хидаи»⁷⁾. Между средне-азіатскими богословами на ряду съ представителями православія еще въ монгольскій періодъ были и вольнодумцы-мутазилиты⁸⁾; на ряду съ представителями книжнаго богословія дѣйствовали, еще съ большимъ успѣхомъ, дервиши различныхъ орденовъ, имѣвшіе всюду свои обители (*ханнахъ*,

---

персидскія извѣстія, было высказано предположеніе (Kern, Histoire du bouddhisme dans l'Inde, II, 434, цит. у L. Bouvat, Les Barmécides, Paris 1912, p. 31), что на мѣстѣ разрушеннаго мусульманами буддійскаго храма былъ выстроенъ персами храмъ огню; но все извѣстія о «постройкѣ хоероевъ» и «храмѣ огня» относятся именно къ разрушенному мусульманами зданію.

1) Объ ордентѣ см. Kashf al-Mahjûb transl. by R. A. Nicholson, Leyden-London 1911, p. 141 а. 210. О гробницѣ основателя ордена и о надписахъ на этой гробницѣ см. статью Р. Ю. Рожевица въ Изв. И. Р. Геогр. Общ. XLIV, 647 и 652. Слова надписи объ «обцихъ шейхахъ» съ Бухари въ дѣйствительности относятся, судя по словамъ Сам'ани (л. 106 а наверху: *وإبشارك معه في شيوخه*) къ автору сборника хадисовъ; слова о собственныхъ сочиненіяхъ, утѣшавшихъ автора въ трудныя минуты его жизни, повторены въ искаженномъ видѣ у Джами, *نفحات*, вост. изд., стр. 77.

2) Туркестанъ, II, 402.

3) Ibn-Batoutah, III, 48 и сл.

4) ZN I, 210. Анонимъ Искендера (рук. Аз. Муз. 566 вв, л. 269 б) дѣйствительно пишетъ въ этомъ случаѣ «худавендзаде» вмѣсто «ханзаде»; также Тексты по ист. Средней Азій I, 131, 138 и 199, д. Бабуръ, подобно Шереф-ад-дину, пишетъ *خانزاده* (بابرنامه), изд. В. Everidge, л. 20 b).

5) Туркестанъ II, 349; ЗВО., XVII, 02; Enz. des Islām I, 881 f.

6) Примѣры у Джемали Карши: Туркестанъ, I, 142 и слѣд. (напр. 146 внизу, 151).

7) О нихъ см. дальше.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 111 и 229.

по мѣстному произношенію *ханана*), но особенно въ мѣстностяхъ непосредственно прилегавшихъ къ степи, — въ Бухарѣ, Хорезмѣ и на Сыръ-дарьѣ, отчасти также въ балхскомъ районѣ — въ Термезѣ и Чаганианѣ (въ долигѣ Сурхана). Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей шейхи дервишей съ успѣхомъ могли распространять свое ученіе среди кочевниковъ, на которыхъ, по понятнымъ причинамъ, проповѣдь религиозныхъ подвижниковъ всегда, какъ и теперь, оказывала несравненно болѣе вліянія, чѣмъ книжная мусульманская наука.

Постепенно мусульманская культура и въ Средней Азіи, какъ въ Персіи, должна была подчинить себѣ кочевниковъ, особенно ихъ хановъ, но этотъ процессъ шелъ здѣсь гораздо медленнѣе и встрѣчалъ гораздо больше сопротивленія со стороны другихъ факторовъ. Еще въ XIII в. были ханы (Мубарекъ-шахъ и Борахъ), поселившіеся въ Мавераннахрѣ и принявшіе исламъ; но послѣ 1271 г. въ теченіе почти полвѣка ханы снова жили въ степи и оставались язычниками, хотя и заботились о благосостояніи осѣдлаго населенія; къ этому времени относится постройка города Андижана въ Ферганѣ, по распоряженію хановъ Хайду и Тувы¹⁾; городъ еще въ XIV в. затмилъ Узгендъ, столицу Ферганы въ эпоху Караханидовъ, и сдѣлался главнымъ городомъ области. Болѣе рѣшительный шагъ къ принятію мусульманской культуры сдѣлалъ ханъ Кебекъ (1318—1326), сынъ Тувы; онъ поселился въ Мавераннахрѣ и тамъ построилъ для себя дворецъ. Долина Капка-дарьи, на которую обратилъ вниманіе еще Чингизъ-ханъ и гдѣ послѣ него жили начальники монгольскихъ отрядовъ, стоявшихъ въ Мавераннахрѣ²⁾, сдѣлалась также мѣстопробываніемъ джагатайскихъ хановъ; на разстояніи двухъ фарсаховъ (12—16 верстъ) отъ города Нахшеба или Несефа Кебекъ выстроилъ для себя дворецъ, отъ котораго получилъ свое нынѣшнее названіе городъ Карши³⁾ (карши по-монгольски «дворецъ»⁴⁾). Тотъ же Кебекъ былъ первымъ изъ среднеазиатскихъ монгольскихъ хановъ, чеканившимъ монеты отъ своего имени для всего государства. Была введена та же монетная система, которая дѣйствовала въ Пер-

1) Le Strange (The lands of the Eastern Caliphate, p. 478), ссылался на литогр. изд. *نزهة الغلوب* Хамдаллаха Казвини (Бомбей 1311), стр. 228, говоритъ только о Хайду. Текстъ по рук. СПб. унив. 60, л. 246а и 171, л. 265а: *دار الملکش اکنون اندکانست که قیدو بن قاشی بن اوکنای قان ودوا بن براق بن کردند* (имена искажены)...

2) Примѣръ у Вассафа, стр. 288. Ср. также Туркестанъ, II, 460 и слѣд.

3) ZN I, 111.

4) Слово «карши» встрѣчается уже въ Кудатку-билікѣ; монголы заимствовали его, по всей вѣроятности, у уйгуровъ (ср. словарь Радлова, II, 207). Возможно, что турками оно, подобно слову «тоюмень» (о немъ см. дальше), было заимствовано у коренного населенія Китайскаго Туркестана.

сн¹⁾); чеканились серебряные «дирхемы» ($\frac{1}{8}$ золотника) и «динары» (6 дирхемов); еще при Тимурѣ и его потомкахъ эти монеты назывались «кебекскими». Кебекъ оставался однако язычникомъ; мусульманиномъ сдѣлался только его братъ Тармаширинъ (1326—1334), котораго путешественникъ Ибн-Батута въ 1333 г. засталъ также въ окрестностяхъ Нахшеба²⁾. Слишкомъ рѣшительный разрывъ съ кочевыми традиціями вызвалъ возстаніе противъ Тармаширина; ханъ былъ низложенъ и убитъ; мѣстопробываніе хановъ на нѣсколько лѣтъ снова было перенесено на берегъ Или, и исламъ, даже какъ религія, утратилъ свое господствующее положеніе.

Очень вѣроятно, что къ періоду 1318—1334 г., когда джагатайскіе ханы непосредственно взяли въ свои руки управленіе Мавераннахромъ, относится введеніе новаго административнаго дѣленія, съ новой терминологіей. Для обозначенія мелкихъ территоріальныхъ единицъ въ областяхъ Самарканда и Бухары, какъ въ Персіи, служилъ терминъ *томень*, въ Ферганѣ, какъ въ Кашгарѣ, — терминъ *орини*³⁾; послѣднее слово (этимологія его не выяснена) впоследствии исчезло изъ употребленія; терминъ «тюмень» (собств. «десять тысячъ») сохранился до русскаго завоеванія и даже при русскомъ господствѣ до 80-хъ годовъ. Самаркандская область состояла какъ при Тимурѣ⁴⁾, такъ и въ XVIII в.⁵⁾ изъ семи тюменей.

Трудно сказать, какой признакъ положенъ въ основу этого дѣленія; слово «тюмень»⁶⁾ употреблялось какъ въ военномъ дѣлѣ, для обозначенія отряда въ 10.000 человекъ, такъ и въ счетоводствѣ, для обозначенія суммы въ 10.000 динаровъ (по персидскому произношенію «томанъ»). Совершенно невозможно, чтобы каждый «тюмень» выставлялъ 10.000 человекъ войска⁷⁾ или давалъ средства на содержаніе такого отряда, но дѣленіе, по всей вѣроятности, было связано, какъ въ Персіи, съ назначеніемъ удѣловъ представителямъ родовъ, пришедшихъ въ Мавераннахръ съ ханомъ. По Ибн-Арабшаху главныхъ родовъ было четыре: Арлатъ, Джа-лаиръ, Каучинъ и Барласъ⁸⁾. Изъ словъ Шереф-ад-дина можно заключить,

1) Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети, стр. 18. Къ приведеннымъ тамъ цитатамъ можно еще прибавить Ибн-Арабшахъ, стр. 52, гдѣ также говорится о «томанѣ» цѣнностью въ 60.000 дирхемовъ.

2) Ibn-Batoutah, III, 28 сл.

3) Такое произношеніе указано въ словарѣ Радлова (I, 1075).

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 17.

5) Справ. кн. Самарк. обл. V, 240.

6) О происхожденіи этого слова см. замѣчанія Н. Д. Миронова въ Зап. Вост. Отд., XIX, стр. XXIII.

7) Такъ объясняетъ этотъ терминъ Ибн-Арабшахъ (I. c.). По словарю Радлова (III, 1518) «томанъ» въ Бухарѣ — мѣра земли въ 40.000 танановъ, т. е. около 6667 десятинъ.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 8. О существованіи у различныхъ кочевыхъ народовъ степной аристократіи изъ четырехъ знатныхъ родовъ см. Н. И. Веселовскій въ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XXXIV, 535.

что «Каучинъ» было не названіемъ рода, но названіемъ собственной тысячи хана¹⁾; изъ другихъ родовъ арлаты поселились въ сѣверной части нынѣшняго Афганистана, джалаиры у Ходженда, барласы на Кашка-дарьѣ; глава каждаго изъ этихъ родовъ былъ какъ бы удѣльнымъ княземъ своей области; все они принадлежали къ отуреченнымъ монгольскимъ родамъ²⁾; рядомъ съ ними упоминаются, какъ мы увидимъ, и другія группы кочевниковъ.

Въ 40-хъ годахъ XIV в. мы снова встрѣчаемъ въ Мавераннахрѣ хана, и снова на Кашка-дарьѣ — Казана, выстроившаго для себя дворецъ Зенджирь-Сарай въ двухъ стоянкахъ къ западу отъ Карши³⁾. Попытка его установить въ странѣ твердую власть привела къ столкновенію между нимъ и главарями родовъ; одинъ изъ послѣднихъ, Казаганъ, поднялъ знамя возстанія и провозгласилъ ханомъ одного изъ монгольскихъ царевичей; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы Казаганъ въ 747 г. хиджры (1346—47 по Р. Хр.) былъ побѣжденъ и убитъ. Вся власть перешла въ руки Казагана; но эта власть распространялась только на Мавераннахръ; въ остальной части бывшаго джагатайскаго государства власть перешла къ другому военачальнику, главарю рода дуглатовъ. Въ персидскихъ источникахъ такіе главари называются «эмирами»; такъ, повидимому, называло ихъ осѣдлое иранское населеніе Средней Азіи; кочевники вмѣсто этого употребляли турецкій терминъ «бегъ»⁴⁾ (князь) или монгольскій «нойонъ»⁵⁾, какъ называли иногда главныхъ беговъ. Какъ эмиры Мавераннахра, такъ и дуглатскіе эмиры считали нужнымъ, для узаконенія своей власти, возводить на престолъ хановъ изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ потомковъ Чингизь-хана. Но ханы Мавераннахра оставались только подставными лицами, лишенными всякой фактической власти, тогда какъ среди хановъ, возведенныхъ на престолъ дуглатскими эмирами, оказались выдающіяся

1) ZN I, 612.

2) Свѣдѣнія о тѣхъ же племенахъ на ихъ первоначальной родинѣ у Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. Арх. Общ., ч. V, стр. 7, 9 и 10. Если принять чтеніе قوچين, то слово «Каучинъ» оказывается не только военнымъ терминомъ, но и племеннымъ названіемъ. Правописаніе рукописей труда Рашид-ад-дина и Юань-чао-ми-ши (Труды Пек. и., IV, 31) указываетъ на произношеніе *Арулатъ* и *Баруласъ*; при Тимурѣ, повидимому, произносили Арлатъ и Барласъ, какъ показываетъ не только правописаніе рукописей, но и размѣръ стиховъ, гдѣ встрѣчается слово Барласъ. Ср. стихъ Лутѣи у А.-З. Валидова, Джаг. поэтъ Лутѣи, стр. 23 ای یوزونک لوحیدا محفوظ آیت امّ الکتاب توغما دی برلاس اولوسی دین

ای یوزونک لوحیدا محفوظ آیت امّ الکتاب توغما دی برلاس اولوسی دین آفتاب سینینک دیک آفتاب

3) О разстояніи ZN I, 259; о принадлежности дворца Казань-хану *ibid.* I, 775.

4) Таково правильное произношеніе этого древне-турецкаго титула, встрѣчающагося уже въ орхонскихъ надписяхъ; отсюда же имя Улугбекъ или, правильнѣе, Улугбегъ; но слово «бекъ» въ этой формѣ настолько извѣстно въ русской литературѣ, что мы не рѣшились возстановить въ этомъ случаѣ правильное произношеніе.

5) Пишется обыкновенно نویسن.